

А. ТВАРДОВСКИЙ

А. Вавардов

СТИХИ
ИЗ
ЗАПИСНОЙ
КНИЖКИ

■ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ ■
"Молодая гвардия"

1961

P2
T-26

Рожь отволновалась.
Дым прошел.
Налило зерно до половины.
Колос мягок, но уже тяжел,
И уже в нем запах есть овинный.

1933

Он до света вставал, как хозяин двора,
Вся деревня слыхала первый скрип на колодце,
Двадцать лет он им воду носил и дрова,
Спал и ел как придется.

И ни пасхи, ни духовя дня ему не было —
Что работнику трудно — своему ничего.
А чтоб части невестка потом не потребовала,
До последнего дня не женили его.

Он возился с конями, хомутами, чересседельниками,
Ездил с возом на мельницу, в лес с топором.
И гордился, гордился богачами-брательниками,
Конями, сбруей, богатым двором.

Так бы доля его неизбывная, темная
И тянулась весь век; но бывают дела:
Приманила его одна разведенная,
И женила его на себе, и в колхоз привела.

1933

Взгляни на зданья городов огромных:
На стенах счет векам, а не годам.
И человек, что первый камень помнил,
Их первого угла не увидал.

А мы стоим — твой город под горою,
До наших ног его доходит дрожь.
Ты сам себе его подростком строил
И в нем зеленым юношей живешь.

Ты ходишь в нем хозяйскою походкой,
Приветствуешь знакомых и друзей...
Какою жизнь людей была короткой
Во все века в сравнении с твоей!

1934

Тревожно-грустное ржанье коня,
Неясная близость спящего дома...
Здесь и собаки не помнят меня,
И петухи поют незнакомо.
Но пахнет, как в детстве, —
    вишневой корой,
Хлевами, задворками и погребам,
Болотцем, лягушечьей икрой,
Пеньковой кострой
    и простывшей баней...

1934

Счастливая, одна из всех сестер,
Повыданных куда и как попало,
Она вошла хозяйкой в этот двор,
Где на пороге раньше не бывала;
Где выходил лениво из ворот
Скот хоботастый, сытый, чистокровный;
Где журавель колодезный и тот
Звучал с торжественностью церковной.
И в том немилом, нежилом раю
Шли годы за годами неприметно.
И оглянулась на судьбу свою —
Немолодой, чужою всем, бездетной...
Чего хотеть и ждать, болеть о ком?
Кому нужна любовь, забота, жалость?
И повязала голову платком
И — в чем была — на волю убежала.

1934

Я иду и радуюсь. Легко мне.
Дождь прошел. Блестит зеленый луг,
Я тебя не знаю и не помню,
Мой товарищ, мой безвестный друг.

Где ты пал, в каком бою — не знаю,
Но погиб за славные дела,
Чтоб страна, земля твоя родная,
Краше и счастливее была.
Над полями дым стоит весенний,
Я иду, живущий, полный сил,
Веточку двурогую сирени
Подержал и где-то обронил...

Друг мой и товарищ, ты не сетуй,
Что лежишь, а мог бы жить и петь,
Разве я, наследник жизни этой,
Захочу иначе умереть!..

1934

Он сидит, раскинув ноги вилкой,
Закусив задумчиво губу.
На висках легли, как тени, жилки,
Выступили капельки на лбу.
Перед ним его сооруженье:
Только плоскость укрепить одну —
И готово! И от напряженья
Он глотает сдавленно слюну.
С помощью ребяческих орудий
Он в игре любимой создает
То, над чем века трудились люди,
Славу человека — самолет.

1934

Кружась легко и неумело,
Снежинка села на стекло.
Шел ночью снег густой и белый —
От снега в комнате светло.
Чуть порошит пушок летучий,
И солнце зимнее встает.
Как каждый день — полней и лучше,
Полней и лучше новый год.

И дней, что отмечают люди,
Часов таких, как этот час, —
При нас с тобою много будет
И много-много — после нас.

1935

Что он делал, что он думал
В этот день в избе пустой,
Работающий и угрюмый
Человек, хозяин твой?

Довиднѣ возилсѣ с печкой,
Снаряжалсѣ у дверей,
Подпоясанный уздечкой,
Гнал на речку лошадей?

Может, все ж зашел к соседям,
Хоть промолвил те слова:
«Что-то баба долго едет,
Знать, понравилась Москва?»

Иль сидел в избе одетый
У окна, как старый дед,
Пыхал трубкой за газетой,
Понимал, а может, нет?

Иль на радостях собрался,
Выпив, с кем-нибудь сидел
И тобою похвалялся:
«Баба — о! Политотдел!»

1936

Прошло пять лет. Объехав свет,
Со станции знакомой
Один, как перст, потрепан, сед,
Он приближался к дому.

И нес в котомке как залог
Любви и жизни дружной
Веселый ситцевый платок —
Жене подарок мужний.

То ль где-то он его стащил
В чужой толпе базарной,
То ль на Магнитке получил
По карточке ударной...

И вдруг он видит по пути
В лавчонке захолустной
Платков таких — хоть пруд пруди.
И стало очень грустно.

1936

Снарядившись в путь далекий,
Пролетал он мимо.
Покружился невысоко
Над селом родимым.

Над селом, над речкой старой
Опустился низко.
Сбросил матери подарок,
Землякам записку.

Развернулся, канул в небо
За лесной опушкой.
— До свиданья! — Был иль не был, —
Смотрит мать-старушка.

Смотрит — сын куда поднялся!
Славно ей и горько.
Не спросился, не сказался,
Попрощался только.

Он летит за доброй славой,
Путь ему просторный.
И леса под ним, как травы,
Стелются покорно.

За морями, за горами
Стихнул гул громовый.
И бежит к избе, играя,
Внук белоголовый.

Дворик. Сад. Налево — ели,
Огород — направо.
Над крыльцом трещит пропеллер —
Детская забава.

1936

Ты робко его приподымаешь:
Живи, начинай, ворошись.
Ты дашь ему лучшее имя
На всю его долгую жизнь.

И, может быть, вот погоди-ка,
Услышишь когда-нибудь, мать,
Как с гордостью будет великой
То имя народ называть.

Но ты не взгрустнешь ли порою,
Увидев, что первенец твой
Любим не одною тобою
И нужен тебе не одной?

И жить ему где-то в столице,
Свой подвиг высокий творить.
Нет, будешь ты знать и гордиться
И будешь тогда говорить:

— А я его, мальчика, мыла,
А я иной раз не спала,
А я его грудью кормила,
И я ему имя дала.

1936

Кружились белые березки,
Платки, гармонь и огоньки.
И пели девочки-подростки
На берегу своей реки.

И только я здесь был не дома,
Я песню узнавал едва.
Звучали как-то по-иному
Совсем знакомые слова.

Гармонь играла с перебором,
Ходил по кругу хоровод,
А по реке в огнях, как город,
Бежал красавец пароход.

Веселый и разнообразный,
По всей реке, по всей стране
Один большой справлялся праздник,
И петь о нем хотелось мне.

Петь, что от края и до края,
Во все концы, во все края
Ты вся моя и вся родная,
Большая Родина моя.

1936